

18 апреля

"История продолжается"

—85 лет со дня рождения писателя,
историка, литературоведа

Натана Яковлевича Эйдельмана

(1930–1989)

Незаменимость Натана Эйдельмана ныне зияюще очевидна, как при жизни для многих была остро, неоспоримо, для иных раздражающе очевидна его неповторимость, неповторимость самой его личности, его сочинений, его наружности, не способной остаться неприметной, в каком бы окружении он ни находился, и движения его мысли и его речи, всегда взволнованной, убедительной и убеждающей, напористой, как бы кому-то вопреки.

В. И. Порудоминский

Есть два типа историков.
Одни говорят об истории.
Другие говорят с историей...
Эйдельман говорил с историей так же
расположенно, как
разговаривал с друзьями.

Я. Гордин

В сущности, Эйдельман впервые у нас вывел историю на подмостки массовой аудитории, воплотив в своем облике ее устную, говорящую, ораторскую стихию, - он был единственным в своем роде устным историческим писателем.

Во второй половине 60-х и в 70-х годах, в самую мрачную, беспросветную пору, просветительские усилия Эйдельмана - благодаря и устным выступлениям и, еще более, огромным тиражам его книг и статей - сыграли роль, которую мы пока не представляем в подлинном ее масштабе и которую еще предстоит оценить. Мало того, что это был один из наиболее читаемых историков и едва ли не самый популярный из них".

А.Г. Тартаковский

За столом Эйдельман мог говорить о разном: об истории, о театре, о литературе, о скандале, случившемся в Союзе писателей, об обеде у Товстоногова или чае у Цявловской, о криминальных событиях. Но все объединяла одна общая тема: что было в России на самом деле вчера и что ее ждет завтра.

Владимир Фридкин

Когда он дарил свои книги, ему словно было неловко за то, что он так много пишет, и его почему-то

печатают. Впрочем, он испытывал еще большее чувство вины за то, что писал мало, потому что планы его всегда были грандиозны и при всей своей титанической работоспособности он за ними не поспевал.

Андрей Гончаров

Для него интересы отечественной культуры были реальностью, сопоставимой с насущными сугубо

личными заботами текущего дня, частью собственной жизни... он жил в окружении мыслей умнейших людей разных эпох, любил их приводить в книгах и разговорах... он был похож на эти мысли, они были ему впору.

М. О. Чудакова

Хотя Тоник рассказывал о делах давно минувших дней, о каком-нибудь XIX или даже XVIII веке, он часто повторял, что от Пушкина до Пастернака — всего-то несколько рукопожатий. Он говорил о связи времен... Это был не только захватывающий, почти детективный, историко-литературный поиск, но прежде всего глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере казенной исторической науки.

Владимир Фридкин

«Слова принадлежат веку, а мысли – векам»

И. Карамзин

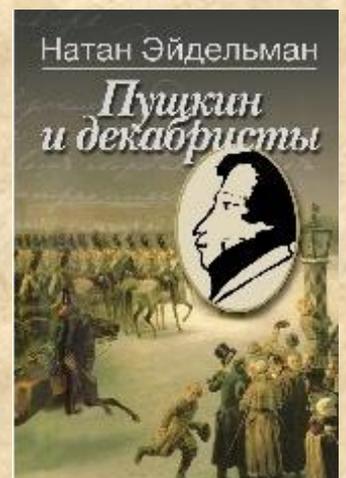
Н. Я. Эйдельман:

Равнодушное, усталое, все знающее или (что одно и то же) ничего не желающее знать общество — для литературы страшнее николаевских цензоров.

Выходит, нужно думать и об изгнании неприятеля и о способах изгнать потом зверство из самих себя.

Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость, — и так шаг за шагом до геенны огненной и Колымы.

А в последних великих романах страшен не столько змей, сколько змеборец, юноша-герой, схватившийся за копье, чтобы поразить зло мира. Зло рождается из остервенения в борьбе за свое добро, из непонимания, что препятствия тоже коренятся в добре, из пены на губах. Одна из основных тем Достоевского — превращение змеборца в змея. Развитие сюжета всегда связано с унижением героя.

Каждый человек встречает на своем пути того, кого должен встретить

Логика мифа сильнее добрых намерений. Как только в культуре утверждается идеализированный образ народа — где-то, в каком-то углу возникает образ народа-

